

Снаружи усыпальницы грохотали барабаны и звенели гонги, неумолимо приближаясь. Внутри же царила мертвая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шорохом ткани.

Цзян Ту действовал быстро и уверенно: раз уж решил занять место невесты, отступить не собирался.

Алое свадебное платье, которое висело на тощей фигурке Ван Паньди нелепым мешком, на стройном, высоком юноше натянулось почти до предела. Яркий шелк плотно облегал тело, подчеркивая безупречную осанку. Декоративные наплечники искусно скрадывали ширину мужских плеч, а узкий пояс выгодно очерчивал тонкую талию. Со спины его силуэт казался настолько хрупким и изящным, что границы пола стирались сами собой.

Никто бы не посмел усомниться в его росте; случайный свидетель лишь затаил бы дыхание от этого мимолетного зрелища, боясь нарушить очарование.

Надев платье, Цзян Ту принялся собирать свои длинные волосы в высокую прическу.

Е Хуай стоял рядом, бережно держа в ладонях горсть шпилек и украшений. Он заворожено наблюдал, как юноша приподнимает пряди у висков, обнажая белоснежную шею.

У мальчика внезапно перехватило дыхание.

На бледной коже у самого уха показалась крошечная алая родинка — словно упавший на чистый снег лепесток дикой сливы или капля яркой киновари. Фарфоровая белизна кожи, смоляная чернота волос и эта обжигающе красная точка создавали невероятный контраст.

От такой красоты Е Хуай замер как вкопанный, напрочь позабыв о шпильках, которые должен был подать.

Выждав несколько секунд, Цзян Ту слегка повернул голову.

— Что такое? — негромко поторопил он.

Е Хуай торопливо мотнул головой, отгоняя нахлынувшие мысли, но взгляд упрямо возвращался к этой яркой отметине на шее.

«Как может человек быть настолько безупречным? — невольно подумал он. — Будто высечен из чистейшего льда, и даже эта родинка сидит на своем месте так ладно».

Наряд был готов, заколки закреплены, расшитые туфли с трудом, но налезли на ноги. Прежде чем набросить на голову красное покрывало, оставалось наложить грим.

Цзян Ту не хотелось лишний раз раскрывать рот. Он намеревался взять за образец лицо Ван Паньди, но та так горько рыдала, что вся ее косметика размазалась. Пришлось спросить.

С тех самых пор, как юноша вызвался пойти вместо нее, Ван Паньди беззвучно лила слезы, но сообщать еще могла:

— Нужно... выбелить лицо. Хотя вы и так бледный. И губы... они должны быть алыми, а ваши слишком светлые...

Она не решилась сказать прямо, что его губы казались почти бесцветными, и принялась в панике шарить по своим карманам.

Визг соны звенел все ближе. Словно почуяв, что ритуал идет не по правилам, инструмент вдруг зашелся истошным, режущим слух надрывом.

Девочка вздрогнула, ее руки задрожали еще сильнее:

— Помадная бумага... вся помадная бумага осталась у старосты...

Она уставилась на Цзян Ту с отчаянием в глазах.

Цзян Ту слегка нахмурился. Без малейшего колебания он прикусил собственный палец, из которого тут же выступила крупная капля крови. Он аккуратно размазал ее по губам, и те мгновенно окрасились в зловещий, завораживающий багрянец.

Закончив, Цзян Ту опустил руку. Кровь лениво стекала по пальцам, капая на пол, но он даже не поморщился, словно вовсе не чувствовал боли.

— Накрой меня вуалью.

Е Хуай очнулся от оцепенения:

— Слушаюсь, благодетель.

Мальчик бережно набросил красную ткань на голову юноши, но не удержался и снова бросил на него быстрый взгляд.

Плотный шелк скрыл резкие, властные черты лица. Леденящая аура, обычно окружавшая Цзян Ту, заметно смягчилась. Он по-прежнему казался воплощением безмолвного величия, но теперь в нем не было прежней недостижимости. Напротив... он выглядел до безумия притягательно.

От этой мысли Е Хуай пришел в ужас. Пальцы, сжимавшие край накидки, дрогнули, но он вовремя совладал с собой.

«Я хочу подчинить, поглотить этого человека целиком, без остатка...»

В этот миг в его сознании вспыхнуло дикое, пугающее желание. Откуда в его голове взялись столь кошунственные помыслы?

В этот момент визг соны оборвался прямо у порога. На бумажной ширме дверей проступили нескладные силуэты, и из-за дверей донесся скрипучий голос:

— Невеста, пора в паланкин.

Цзян Ту сделал шаг вперед.

Испугавшись, что его оставят позади, Е Хуай поспешил следом:

— Благодетель...

Не замедляя шага, Цзян Ту бросил короткое:

— Замок долголетия.

Мальчик на мгновение замер и прижал ладони к груди, нащупывая висевший на шее замок. Металл под его пальцами стал ледяным, в точности напоминая прикосновение руки Цзян Ту. Следом за этим тончайший слой духовной энергии окутал фигуру мальчика, скрывая его от чужих глаз.

Словно хищник, растворившийся в ночной темноте, юный цилинь бесшумно зашагал вслед за своим заступником.

Стоило тяжелым створкам распахнуться, как над головой Цзян Ту склонился красный бумажный зонт, укрывая его плотной, зловещей тенью. Из-под купола зонта под неестественным углом высунулось мертвенно-бледное лицо с намалеванными алыми кругами на щеках. Оно почти уткнулось в лицо юноши.

Цзян Ту даже не шелохнулся.

После короткого безмолвного противостояния деревенский житель, чей облик уже почти полностью превратился в бумажного человечка, удовлетворенно кивнул:

— Наша невеста знает правила. Будущему мужу она точно придется по душе.

Он бесцеремонно схватил сложенные перед грудью руки Цзян Ту и принялся ощупывать их, словно оценивая товар на ярмарке:

— Кожа белая, пальцы длинные... Только костяшки крупноваты. Но ничего, сойдет.

Словно торопя собственную кончину, уродливый бумажный человечек противно захекал и провел ладонью по тыльной стороне кисти юноши.

Цзян Ту никак не отреагировал, но атмосфера вокруг мгновенно потяжелела, а температура упала на несколько градусов.

Е Хуай поспешил отвести глаза. Мысленно он уже зажег три поминальные свечи за упокой этого несчастного.

Благодаря замку долголетия мальчик полностью слился с полумраком, так что бумажный человечек не заметил его сочувственного взгляда. Он продолжал восхищаться нежной кожей:

— В этих руках белый нефрит будет смотреться великолепно.

Из любопытства Е Хуай снова скосил глаза и увидел, как староста вложил в ладонь Цзян Ту обычный пышный белый паровой хлебец. В нос ударил отчетливый аромат пшеничной муки.

«Ну надо же, — изумился про себя Е Хуай. — Какая отважная бумажка. Сама напрашивается на смерть».

Под красным шелком глаза Цзян Ту оставались холодными и бездонными, как лесной омут. Ему никогда не доводилось бывать на свадьбах, зато призраков он повидал немало. Он прекрасно знал погребальные обряды мира живых: мертвецу в гроб клали хлеб, чтобы в загробной жизни его душа не знала голода.

Когда его пальцы коснулись теплого теста, последние сомнения рассеялись.

Традиции «свадьбы» в Деревне Множества Благословений: красный зонт для привлечения темной энергии, бумажные человечки во главе процессии, «белый нефрит» в руках покойника, связанные ноги невесты... Все это было не бракосочетанием. Это были похороны.

Цзян Ту помогли подняться в свадебный паланкин. Воспользовавшись моментом, когда занавеска приподнялась, Е Хуай тенью скользнул внутрь.

Места внутри почти не было — тесная кабина предназначалась строго для одного пассажира. Цзян Ту, будучи взрослым статным мужчиной, едва помещался на сиденье, так что для мальчика свободного пространства вовсе не осталось.

Е Хуай недовольно надулся. Немного поколебавшись, он согнулся в три погибели, опустился на корточки у самых ног юноши и, обхватив колени руками, сжался в крошечный комочек. Кое-как ему удалось втиснуться.

Он был еще слишком мал и не владел техниками сокрытия ауры на должном уровне. Его магия была неумелой и могла обмануть лишь этих безмозглых бумажных человечков.

Цзян Ту же прекрасно чувствовал каждое движение своего незваного спутника. Сквозь плотную ткань вуали он окинул взглядом тесную кабину.

«По бокам ведь есть немного места. Почему этот глупый ребенок упрямо жметя к моим ногам?»

Не найдя разумного ответа, он списал все на детскую привычку прятаться по углам.

Внезапно паланкин резко качнулся в сторону. Потеряв равновесие, Е Хуай инстинктивно ухватился за лодыжку Цзян Ту.

И без того густая тишина внутри кабины превратилась в лед. Мальчик замер от ужаса. Не зная, отпустить ли ногу или держать крепче, он робко пролепетал:

— Бла-благодетель...

— Сядь нормально, — со вздохом отозвался Цзян Ту.

Е Хуай тут же выпрямился, вытянув спину в струнку.

Снаружи донеслось недовольное ворчание носильщика:

— Странно... Невеста с виду такая изящная, а тяжелая, как чугунный котел.

Е Хуай виновато моргнул, слегка задев плечом колено своего защитника.

Вскоре снаружи раздался зычный голос:

— Десять ли — красных шелков! Сто ли — дорога к брачному ложу! Поднимай паланкин!

Сона оглушительно завывала, и паланкин, мерно покачиваясь, тронулся в путь.

Занавеска на двери вздрагивала при ходьбе, и Е Хуай жадно всматривался в узкую щель.

Когда они только прибыли в Деревню Множества Благословений, земля была размыта дождем, а вся округа утопала в унылой серости. Но не прошло и полутора часов, как прямо поверх раскисшей грязи легла длинная узкая ковровая дорожка багрового цвета, уходящая далеко в глубь тумана. Дождь при этом не прекращался.

Белая пелена, окутавшая деревню, становилась все плотнее.

Вдоль дороги зажглись тусклые красные фонари. Вся земля была усыпана конфетти и обрывками бумаги от хлопушек, хотя праздничного грохота никто не слышал.

Среди алых ошметков Е Хуай заметил мелькнувшие белые пятна. Что это? Он присмотрелся внимательнее, и его сердце на мгновение пропустило удар.

Это были ритуальные бумажные деньги.

Под тонким слоем красной мишуры покоился плотный настил из поминальных денег. Процессия двигалась по дороге из мертвых купюр. Это было не свадебное шествие, а похороны.

Они шли долго.

Внезапно в торжественной, ликующей мелодии соны проскочила фальшивая нота. Эта единственная ошибка запустила лавину: звуки начали двоиться, хрипеть и срываться. Праздничный мотив рассыпался, уступая место совершенно иной, жуткой мелодии.

Она то напоминала безутешный плач вдовы на свежей могиле, то превращалась в мерзкий скрежет, от которого закладывало уши. В конце концов леденящий порыв ветра ворвался в паланкин, принес с собой тонкий женский смех. Звук раздался так близко, словно неведомая гостья стояла прямо перед ними.

«Благоприятный час настал... Невеста, поклонись Небу и Земле».

«Хи-хи... Хи-хи-хи...»

Эхо жуткого смеха растаяло, и паланкин замер.

Сухая, похожая на корягу рука бесцеремонно отодвинула занавеску. Староста деревни протиснулся внутрь. Он все еще сохранял человеческий облик, но на его щеках горел такой же

нелепый, кричащий румянец, что делало его куда более пугающим, чем бумажные человечки снаружи.

Он жадно уставился на невесту. Она сидела неподвижно, сложив руки, белизна которых превосходила цвет поминального хлеба. Даже скрытое вуалью лицо не могло утаить ее изящества.

В мутных глазах старика вспыхнула грязная, похотливая радость человека, нашедшего редкое сокровище. Он облизнул сухие губы и дрожащими руками извлек из-за пазухи толстую пеньковую веревку.

У Е Хуая по коже пробежали мурашки, а к горлу подкатила тошнота. Этот мерзкий, липкий взгляд был ему до боли знаком — точно так же на него самого когда-то смотрели бродячие заклинатели. В нем сквозила похоть, смешанная с хищной жадностью.

Звериное чутье заставило мальчика напрячься всем телом; в его голове взвыл сигнал тревоги. Он оскалил зубы, зарывчав без звука, словно верный пес, готовый броситься на защиту хозяина.

Но поскольку Цзян Ту не давал команды, Е Хуай не смел действовать по своему усмотрению. С трудом сдерживая порыв вырвать веревку из рук старика, он преданно и тревожно посмотрел на юношу.

Тем временем староста уже по пояс залез в тесную кабину. Из рта у него капала зловонная слюна, наполняя паланкин удушливым смрадом гнили.

Сначала его скрюченные пальцы коснулись расшитых туфель, а затем поползли выше, бесцеремонно забираясь под подол красного платья и ощупывая стройные голени. Ноги под шелком оказались удивительно сильными, с подтянутыми мышцами. На них не было и следа крестьянской мозолистой кожи, лишь легкое, едва заметное напряжение выдавало реакцию на прикосновение.

Эта чувствительность свела старика с ума. Ему показалось, будто невеста сама привлекает его в свои сети. Задышавшись от возбуждения, он забормотал:

— Божественный дар... сущий клад...

В его угасающем разуме проносились самые грязные, непотребные образы. От сладострастного нетерпения руки старосты, сжимавшие веревку, затряслись крупной дрожью, а кровь хлынула к паху.

Он со стоном подался вперед, занося пеньковую петлю над жертвой...

В то же мгновение Цзян Ту нанес удар. Даже в тесноте паланкина его движения отличались

молниеносной точностью. Ступня юноши с силой впечаталась прямо в уродливую физиономию старосты. Тот не просто отлетел назад, рухнув в грязь, — удар начисто раздробил его переносицу, превратив лицо в кровавое месиво.

<http://bllate.org/book/19047/1917918>